

хозяйства при районной газете «Волжская правда». Нередко поднимали в печати проблемные вопросы развития сельскохозяйственного производства, повышения его экономической эффективности [3].

В 1986 году жители марийской деревни получили 369,7 тыс. экземпляров периодической печати, в том числе 174,5 тыс. газет и 195,2 тыс. экземпляров журналов – в среднем по четыре издания на каждую семью [4: 95].

Таким образом, районная периодическая печать, пропагандируя подлинные ценности культуры, разви-

вала духовные запросы масс, несла высокую культуру в марийскую деревню.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марийская правда. 1967. 30 марта.
2. Марийская правда. 1967. 24 ноября.
3. Марийская правда. 1975. 14 марта.
4. Социально-экономическое развитие марийской деревни. Йошкар-Ола, 1988.

УДК 946.0

РАННИЙ ЭНЕОЛИТ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

В. В. СТАВИЦКИЙ

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского
кафедра истории древнего мира, средних веков и археологии

Первые памятники раннего энеолита на территории Пензенского края связаны с мариупольской и хвалынской культурами, население которых появляется здесь в начале IV тыс. до н. э. и вступает во взаимодействие между собой, а также местными неолитическими племенами. Дальнейшее развитие степных районов нашего края связано с племенами алтатинской археологической культуры, которые впоследствии вошли в качестве одной из составных частей в культуру древнеямынских племен.

В силу закона неравномерности исторического развития различных географических территорий раннему энеолиту степной зоны хронологически соответствуют памятники развитого и позднего неолита лесной полосы. Таким образом, раннеэнеолитические древности Сурско-Мокшанского междуречья не имеют местных корней и их происхождение связано с миграциями представителей южных культур. В начале IV тыс. до н. э. в южные пределы Пензенского края из степных территорий Волго-Донского междуречья проникает новое население, которое уже было знакомо с металлом. Это были племена, входившие в мариупольскую культурно-историческую общность, названную так по раскопкам могильника у г. Мариуполь на территории современной Украины. Захоронения в этом могильнике были совершены в траншеях, где костяки закладывали плечом к плечу, на спине с вытянутыми ногами. По мере появления новых умерших их хоронили в той же траншее, таким образом, продлевая её. В могилах встречаются украшения, вырезанные из клыков кабанов и некоторые каменные орудия. Глиняную посуду в могилу не ставили, а оставляли ее на специальных жертвенных площадках [7]. Интересной особенностью этой посуды является своеобразный «воротничковый» налп на внешней стороне венчика. Вероятно, подобный «воротничок» служил для укрепления горла сосуда, которое являлось его наиболее уязвимой частью. Причем появлению «воротничков» предшествовали похожие налпы, но совершенные с внутренней стороны сосуда. Однако они сужали горло и затрудняли доступ к содержимому. Кроме того «воротничковый» налп снаружи можно было использовать и для подвешивания. Сосуды с «воротничковыми» утолщениями на территории Пензенского края впервые были обнаружены на Пензенских стоянках, затем были раско-

паны поселения с подобной керамикой у с. Софьино в Сердобском р-не и у с. Веденяпино в Городищенском р-не [6, с. 84–87].

Носители «воротничковых» традиций изготовления керамики пришли на территорию нашего края с юга, где в эпоху неолита и даже в начале энеолита продолжала господствовать мезолитическая техника изготовления орудий на ножевидных пластинах, а не на отщепах, как в лесной зоне. На самых ранних памятниках мариупольской общности достаточно широко представлены составные орудия с лезвиями из узких ножевидных пластин – микролитов. Небольшие размеры имело и большинство остальных орудий. Подобный микролитический комплекс орудий обнаружен при раскопках у с. Веденяпино. Среди ножевидных пластин преобладают узкие экземпляры с шириной 0,7–1,0 см, которые использовались в качестве вкладышей. Представительную серию образуют концевые скребки, выполненные на сечении пластин, продольных сколах либо мелких отщепах. На средних пластинах и продольных сколах выполнены 15 скребков. Крайне малыми размерами отличается большинство наконечников стрел. Их форма: иволистная, треугольная, с выемкой у основания, листовидная, листовидно-черешковая. Кварцитовые наконечники дротиков имеют листовидные и овальные с заостренным концом очертания. Ножи и острия изготовлены на продольных сколах и пластинах средних и крупных размеров (рис.1, 14–71).

Сосуды с поселения Веденяпино имеют слабо закрытое горло, либо плавно отогнутый наружу венчик. У двух сосудов на внешней стороне венчиков имеются воротничковые утолщения, у одного – желобок с внутренней стороны. Среди днщ одно плоское, другое плосковогнутое. При орнаментации использо-

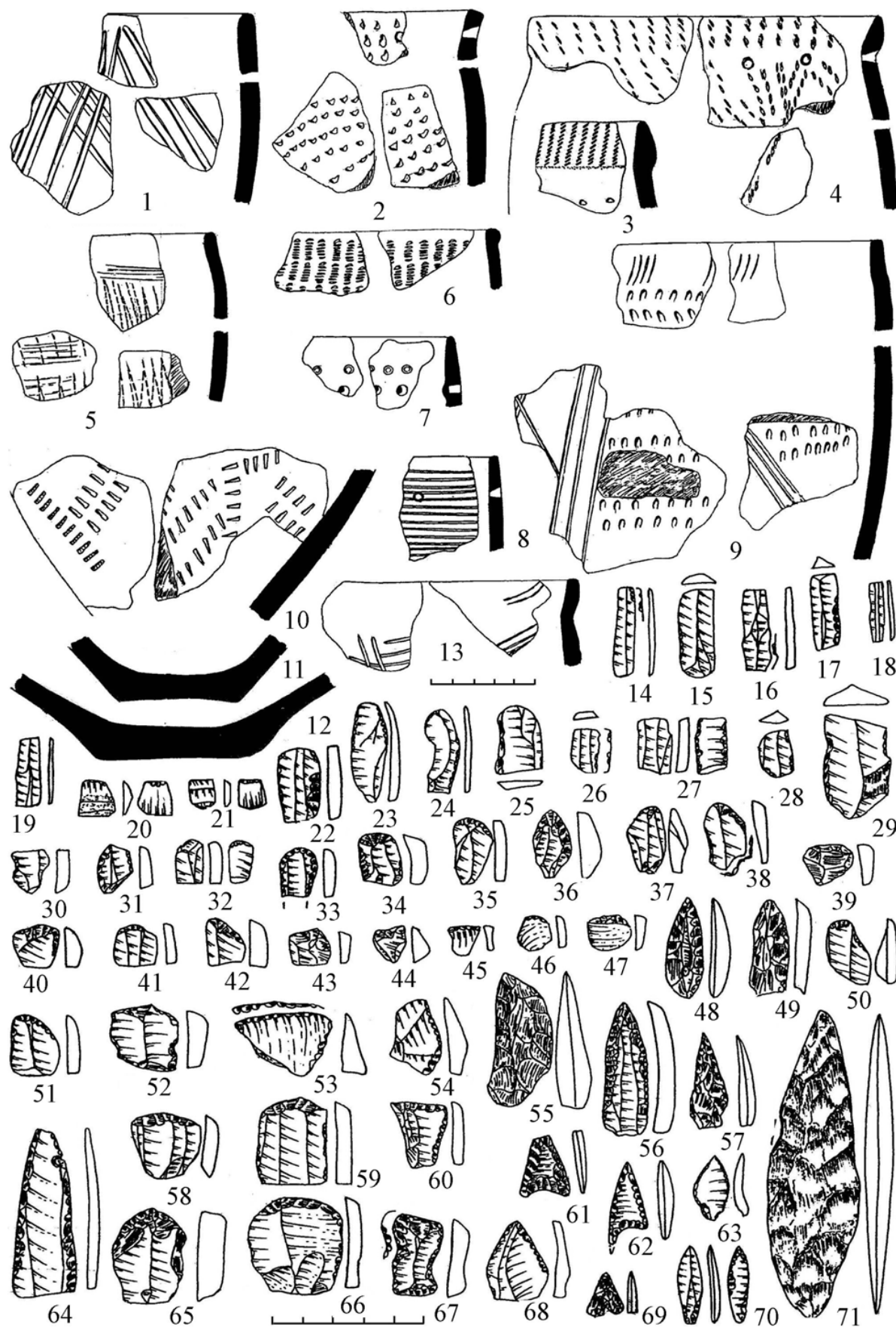


Рис.1. Керамика (1–12) и каменные орудия (14–71) поселения Веденяпино

вались наколы разнообразной формы (треугольные, овальные, строчечные, клиновидные, прочерченные линии, отпечатки веревочки). На четырех сосудах под венчиком располагаются горизонтальные ряды ямок (рис. 1, 1–13).

На памятниках развитого этапа мариупольской культурно-исторической общности появляются орудия, изготовленные на массивных широких и длинных ножевидных пластинах. Их распространение связано с изобретением способа усиленного отжима. Теперь нуклеус зажимался в деревянные тиски, после чего на него с силой давили отжимником, используя специальный рычаг. Это позволяло получать длинные и широкие, но тонкие ножевидные пластины с правильными параллельными гранями. Их можно было использовать в качестве режущих орудий без дополнительной обработки. После того как края орудий тупились, их заостряли с помощью краевой ретуши.

Подобные орудия на широких ножевидных пластинах найдены вместе с «воротничковой» керамикой на Пензенской и Бессоновской стоянках (рис. 2). Для получения подобных пластин годился только кремнь достаточно высокого качества. Например, из кварцита такие орудия было получить невозможно. Самарский трассолог И. В. Горашук считает, что средневожские племена мариупольской культурно-исторической общности, которые относятся к локальной самарской культуре, сами не использовали метод усиленного отжима для изготовления подобных орудий, а получали их в результате обмена у своих южных соседей. Об этом свидетельствует отсутствие следов соответствующего расщепления нуклеусов на средневожских памятниках [4]. Данный вывод справедлив и для памятников с «воротничковой» керамикой Среднего Дона, где указанные пластины немногочисленны. Ни одного подобного орудия, например, не было найдено на поселении Софьино 1, расположенном на Верхнем Хопре [6, рис. 45–46].

Своеобразна «воротничковая» керамика поселения Софьино 1. Кроме песка и шамота в ее тесте присутствует органика. Характерны воротничковые утолщения валиковидной, треугольной формы, а также с желобком изнутри. У ряда сосудов под венчиком располагается поясик ямок. Сосуды украшены зубчатыми штампами: длинными, короткими, косозубыми и овальными, рядами строчечных наколов, прочерченными линиями. Две трети фрагментов не имеют орнамента. Днища плоские и конические (рис. 2, 1–10, 13).

Интересно, что в керамике стоянки Софьино прослеживаются следы контактов носителей «воротничковой» керамики с представителями культуры ямочно-гребенчатой керамики. На поселении найдены гибридные сосуды, вобравшие в себя черты различных культурных традиций: «воротничковой» и ямочно-гребенчатой (рис. 2, 13). Еще на одной из стоянок культуры ямочно-гребенчатой керамики, расположенной в Тамбовской области, были найдены кости крупного рогатого скота. Домашний скот к населению этой стоянки, видимо, также попал от носителей «воротничковой» керамики. Однако основная масса не-

олитического населения, проживавшая в северных и центральных районах Пензенского края, не спешила перенимать производящих методов ведения хозяйства. Богатейшая природная среда широколиственных лесов создавала исключительно благоприятные условия для охотничьего и рыболовного промыслов, что обусловило сохранение присваивающего типа хозяйства на территории Сурско-Мокшанского междуречья на всем протяжении медно-каменного века.

В раннем энеолите на территории Посурья появляются и племена хвалынской культуры, названной так по раскопкам могильника у г. Хвалынска (Саратовская обл.). Среди погребений этого могильника зафиксированы одиночные захоронения, коллективные и многоярусные. Большинство погребенных лежало на спине с подогнутыми ногами, поставленными коленями вверх. Часто скелеты засыпаны красной минеральной краской – охрой. Некоторые могилы перекрыты камнями. Поблизости с погребениями находились жертвенники с керамикой и костями домашних животных: мелкого и крупного рогатого скота, лошадей. Среди погребального инвентаря медные кольца, подвески, пронизи и браслеты, каменные тесла, сверленный шлифованный топор, выточенный из камня скипетр в виде стилизованной головы лошади, костяные гарпуны, наконечники стрел и ножевидные пластины, бусы из костей и раковин и др. [1].

На Суре поселение хвалынской культуры исследовано у с. Русское Труево (Сосновоборский р-он), где обнаружено четыре жилища (рис. 3). Три жилища располагались в линию с интервалом около 2 м. Четвертое жилище сориентировано иначе. Первые три жилища имели прямоугольную форму, длиной от 6 до 8,4 м и шириной от 3,6 до 5 м. Жилище № 4 имело удлиненную, слабо изогнутую форму, вытянутую по линии В-З. Его длина 17 м, ширина 4,5 м (рис. 3, 1). Собранные материалы относятся к двум планиграфически разделенным комплексам. К первому (хвалынскому) комплексу относятся жилища № 1–3, ко второму – жилище № 4. К хвалынской культуре относится пористая керамика с примесью раковин. Характерны профилированные венчики с отогнутым наружу верхним краем и утолщением-воротничком в месте отгиба. В отличие от уплощенных «воротничков» мариупольского типа хвалынские «воротнички» имеют треугольную или валиковидную форму. Непрофилированные венчики единичны. Один сосуд имеет шаровидное тулово и раструбное горло. Сосуды украшены: оттисками зубчатого и фигурного штампа, отпечатками створок раковины кардиум, рядами наколов и округлых неглубоких вдавлений, короткими прочерками, вдавлениями полой палочки. Композиции несложные: горизонтальные ряды наклонных оттисков гребенки или наколов, горизонтальные зигзаги (рис. 3, 2–7).

Материалы первого комплекса представлены: 292 кремневыми и 375 кварцитовыми отщепами и сколами, 53 ножевидными пластинами без ретуши, 129 кремневыми и 2 кварцитовыми орудиями (рис. 4). Большинство орудий изготовлено из светло-коричневого опокowego кремня и высококачественного

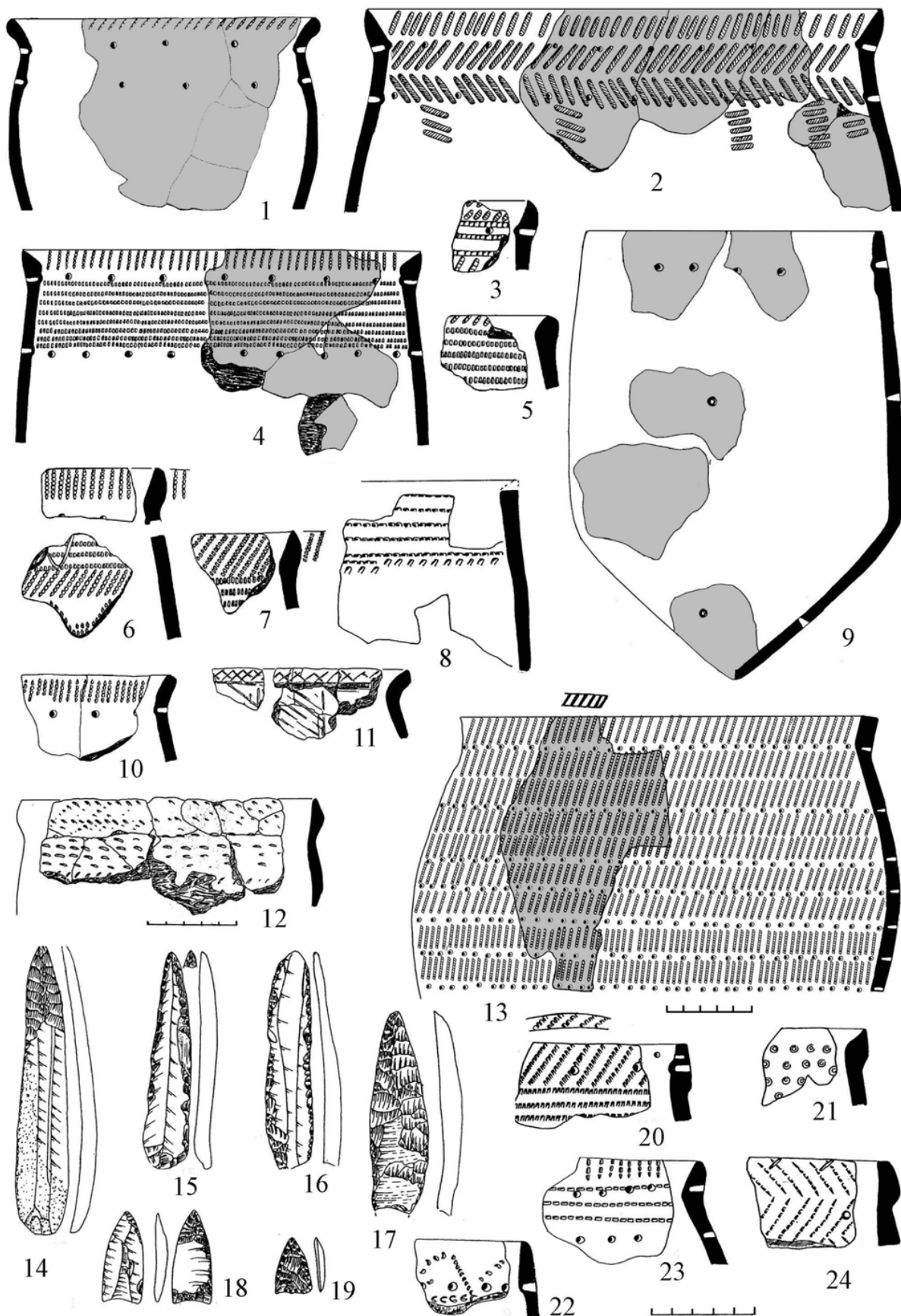


Рис. 2. «Воротничковая» керамика (1–13, 20–24) и кремневые орудия поселений:
Софьино 1 (1–10, 13), Софьино 2 (11, 12), Пензенские (14–24)

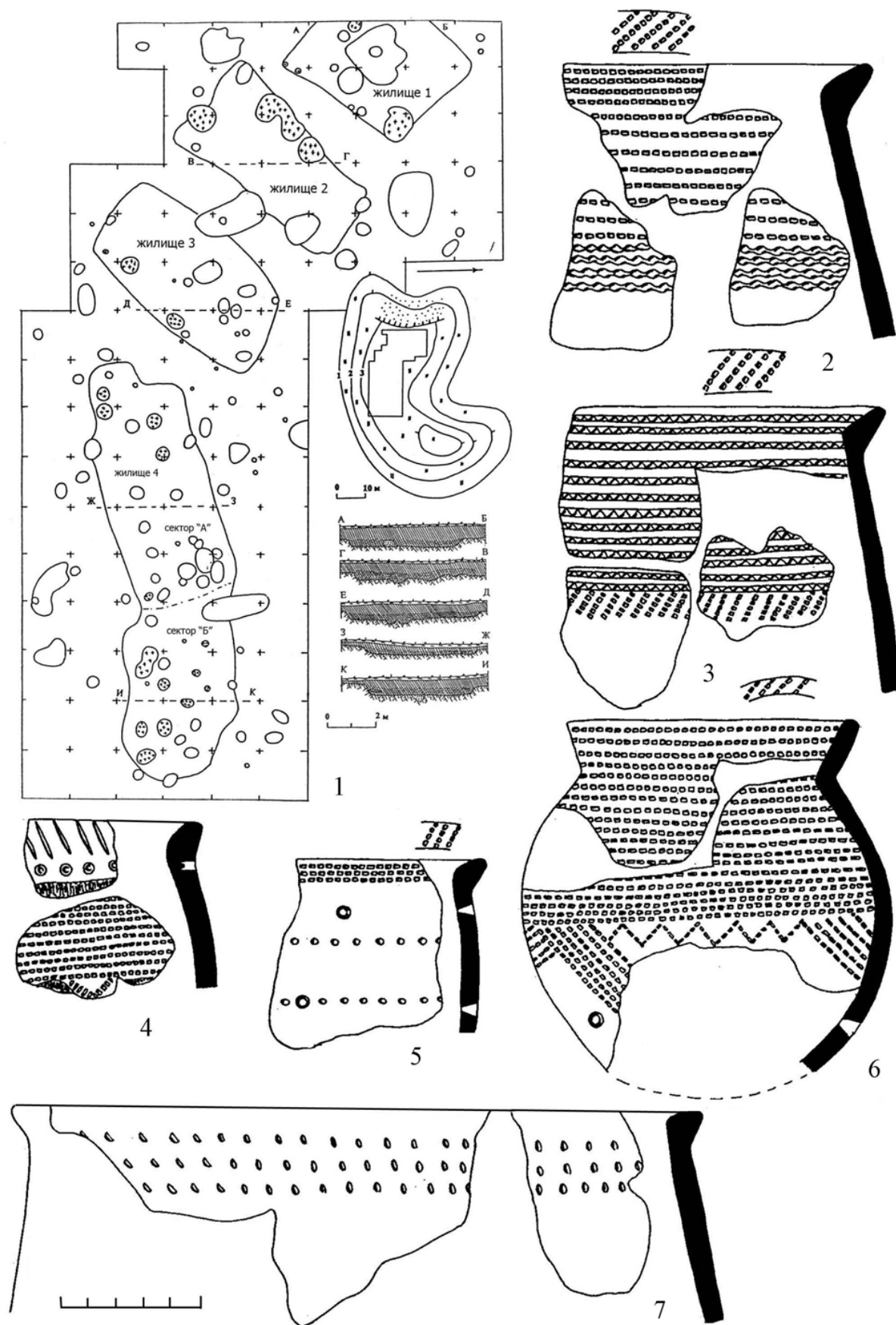


Рис 3. План раскопа (1) и хвалынская керамика (2–7) поселения Русское Труево 1

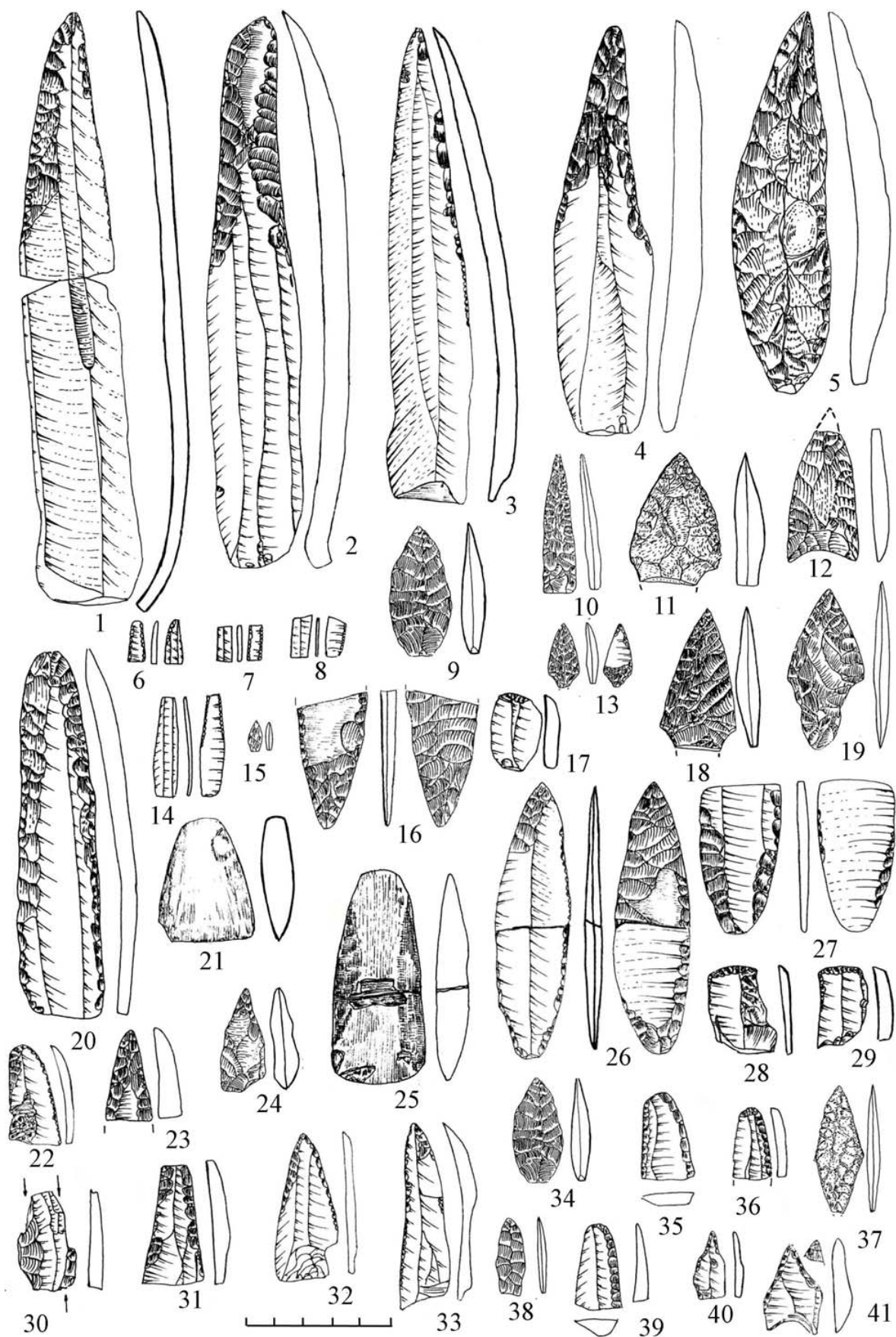


Рис. 4. Каменные орудия поселения Русское Труево 1

темно-серого полупрозрачного кремня. Единичны изделия из слоистого низкокачественного светло-серого кремня и крупнозернистого кварцита, характерные для второго комплекса. Техника изготовления орудий крупнопластинчатая, но есть и микролитические изделия. Две трети орудий изготовлены на пластинах. Преобладают пластины, обработанные краевой ретушью со спинки по двум боковым сторонам. *Ножи* выполнены на широких и длинных пластинах с обоюдоострым лезвием. Ширина их лезвия около 3 см, длина – 12–18 см. *Острия* изготовлены на ребристых пластинах с высокой спинкой. На трех пластинах имеются скоблевидные выемки. Шесть *скребков* изготовлены на пластинах, один выполнен на расколоте нуклеусе, остальные – на отщепе. На кварцитовом отщепе выполнено массивное скребло. На пластинчатых отщепах изготовлены два ножа. *Рубящие орудия* представлены двумя шлифованными теслами трапециевидной формы. У большинства *наконечников* грани обработаны сплошной ретушью. Преобладают листовидные наконечники. Один наконечник треугольный с выемчатым основанием (рис. 4).

Хвалынская керамика поселения имеет близкие аналогии в посуде Хвалынского могильника [1, рис. 34–36] и особенно в посуде хвалынского поселения Кара-Худук [2, рис. 1]. Причем русско-труёвская орнаментация гребенчатым штампом характерна именно для прикаспийских поселений.

Формирование хвалынской культуры, по мнению И. Б. Васильева, происходит на основе населения самарской и прикаспийской культур [3, с. 34–35]. П. П. Барынкиным отстаивается точка зрения о параллельном развитии «воротничковых» (прикаспийско-сьезжинских) и хвалынских традиций [2]. На наш взгляд, на имеющихся источниках у проблемы происхождения хвалынской культуры однозначного решения нет. Наиболее вероятным представляется не местный характер ее генезиса. Хвалынский керамический комплекс и каменный инвентарь весьма однороден и крайне устойчив. Складывается впечатление, что в степных районах Поволжья данные племена избегали контактов с аборигенами. Только на окраине своего ареала, в лесостепном Заволжье они вступают в контакты с местным населением, что иллюстрируется материалами стоянок Лебяжинка 1, Ивановской, Мулино и др. [5, с. 64–67].

Наиболее раннее проникновение носителей «воротничковой» керамики в лесостепное Посурье иллюстрируют материалы Веденяпино, которые характеризуются микролитической кремневой индустрией. Здесь наблюдается сочетание черт, характерных для трех разных традиций. Сосуды со слабо прикрытым горлом, украшенные рядами наколов и оттисков зубчатого штампа, относятся к местной неолитической керамике. Сосуды с венчиками, имеющими валиковидные воротнички, а также приемы украшения отпечатками веревочки, находят аналогии в хвалынских керамических традициях. В керамике мариупольского типа находят аналогии сосуды с плоскими желобчатыми «воротничками», небольшие уплощенные и плосковогнутые

днища, орнаментация из прочерченных линий, наколов и шагающей гребенки (рис. 1). Подобное сочетание признаков является результатом взаимодействия носителей трех названных традиций, которое, судя по архаичному облику каменного инвентаря, проходило на раннем этапе существования хвалынских и мариупольских древностей. Итогом данных процессов стало сложение самарской культуры, в котором приняли участие не только местные неолитические племена и носители мариупольских традиций, но и раннее хвалынское население.

На позднем этапе существования хвалынских древностей в степной части Волго-Донского междуречья наблюдается сложение новых культурных традиций, которые сначала затрагивают керамическое производство, а затем проявляются и в изменении каменной индустрии. В итоге на смену «воротничковой» керамике приходит профилированная посуда с сильно отогнутыми наружу венчиками, получают распространение иные орнаментальные традиции, крупнопластинчатая кремневая индустрия сменяется отщеповой. Указанные изменения связаны с формированием алтаинских памятников.

В Посурье наиболее представительные материалы получены при раскопках поселения Русское Труёво 2. Керамика поселения содержит обильную примесь органики, выщелочившейся раковины, реже шамот. Венчики – отогнутые наружу, иногда желобчатые. Некоторые сосуды не орнаментированы, остальные украшены, преимущественно в верхней части, оттисками длинного зубчатого и овального штампа, ногтевыми насечками, прочерченными линиями, крупными или мелкими прямоугольными вдавлениями, оттисками шагающей гребенки и веревочными, узелковыми отпечатками. Преобладают несложные композиции из горизонтальных и диагональных рядов вдавлений и отпечатков штампа, спаренные наклонные линии, зигзаги из узелковых отпечатков, гребенчатых оттисков или прочерков (рис. 5, 2, 3, 16).

В каменном инвентаре преобладают кварцитовые изделия на отщепах. К массовым категориям относятся ножи, скребки и наконечники. Большинство наконечников обработано сплошной двусторонней ретушью. Преобладают треугольно-черешковые. Также найдены подромбические, асимметричные, листовидные, лавроволистные, листовидный наконечник с выемчатым основанием. Многочисленны концевые скребки с прямым лезвием и трапециевидные скребки. Ряд скребков имеют скошенное или стрельчатое лезвие. Большинство ножей представлено морфологически невыразительными формами, изготовленными на уплощенных отщепах, у которых краевой ретушью обработана одна из боковых сторон. Единичными экземплярами представлены перфораторы, скобель, массивное рубящее орудие (рис. 5).

В Посурье артефакты 2-го Русско-Труёвского поселения находят ближайшие аналогии в материалах поселения Старая Ясарка, Усть-Кадада 1, Инерка 1 и 2. Интересно, что на поселении Русское Труево 1 фиксируются контакты между хвалынским и алта-

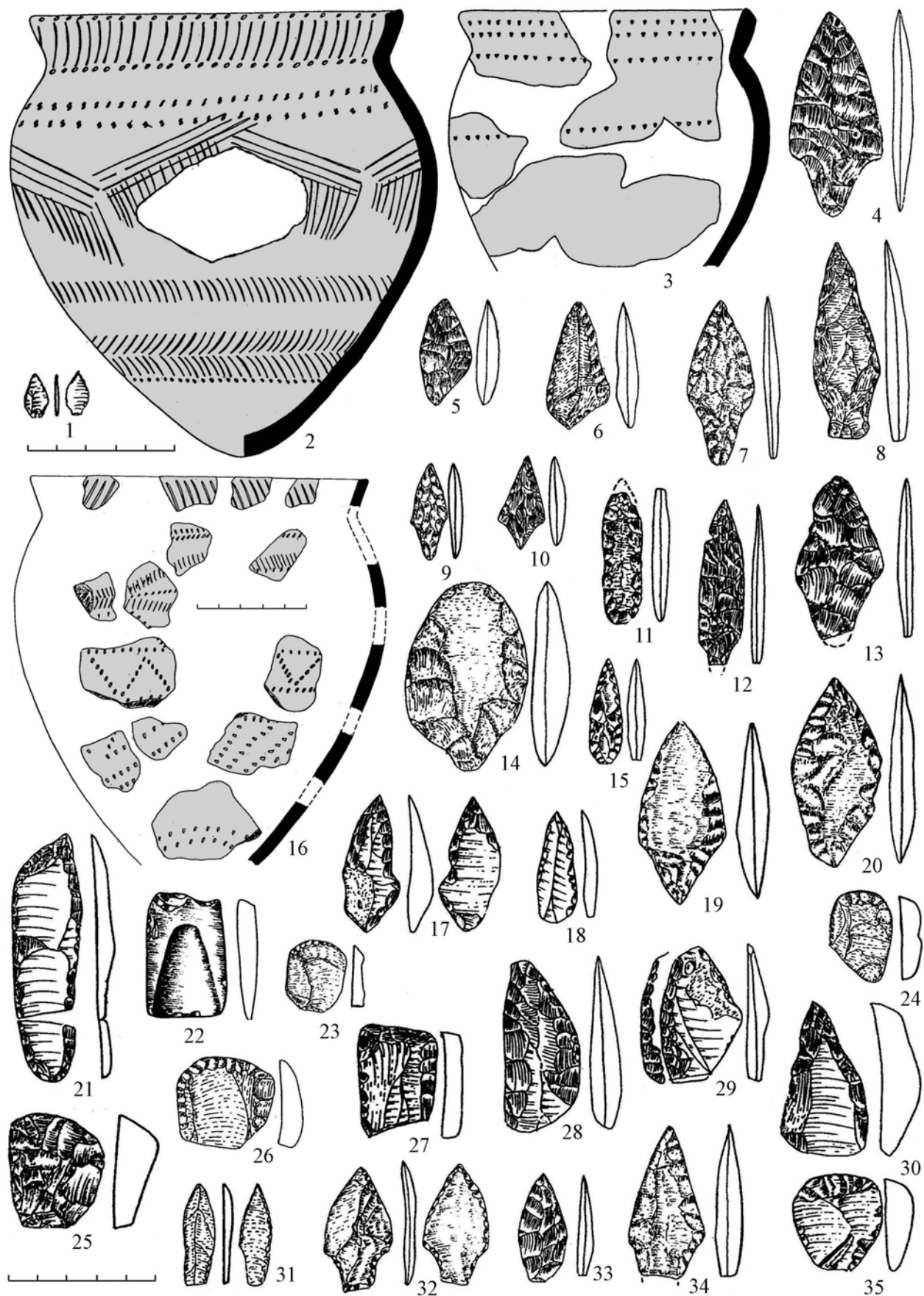


Рис 5. Алтатинская керамика (2, 3, 16) и каменные орудия (1, 4–15, 17–35) поселения Русское Труево 2

тинским населением. В четвертом жилище этого поселения наряду с двумя развалами хвалынских сосудов обнаружена керамика, близкая к алтатинской посуде 2-го Русско-Труевского поселения, в сочетании с типично алтатинским комплексом каменных орудий [6, с.111].

Для присурской и алтатинской керамики завожских памятников в одинаковой степени характерны отогнутые наружу венчики, часть которых имеет внутренний желобок. Аналогичные примеси содержатся в тесте сосудов. Близкие параллели наблюдаются в использовании оттисков зубчатого штампа, ногтевых насечек и различного рода вдавлений. Совпадают основные мотивы орнамента – это горизонтальные ряды вдавлений и наклонных оттисков зубчатого штампа, шагающая гребенка, оттиски штампа, расположенные под углом друг к другу. Есть и отличия. На алтатинских памятниках присутствует группа архаичной накольчатой керамики неолитического облика, а использование прочерченной орнаментации не характерно. В алтатинских комплексах наряду с листовидными наконечниками широко распространены треугольные, с прямым и выемчатым основанием, при отсутствии черешковых. Своеобразие присурского комплекса алтатинских материалов, вероятно, объясняется влиянием местного позднелитического населения. Дальней-

шая судьба алтатинского населения, видимо, связана с формированием древностей ямной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: СГУ, 1990. 160 с.
2. Барынкин П. П. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья / Под ред. И. Б. Васильева и др. Самара: СНЦ РАН, 2003. Вып. 3. С. 47–60.
3. Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ, 1981. 129 с.
4. Горащук И. В. Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры // Вопросы археологии Поволжья / Под ред. И. Б. Васильева и др. Самара: СНЦ РАН, 2003. Вып. 3. С. 118–133.
5. Моргунова Н. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПИ, 1995. 222 с.
6. Ставицкий В. В., Хреков А. А. 2003. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов: СГУ, 2003. 166 с.
7. Телегин Д. Я. Раскопки в Ясиноватке (о периодизации могильников мариупольского типа) // Советская археология. 1988. № 4. С. 5–17.

РОЖДЕНИЕ ДВОРЯНСКОЙ БЛАГОВОСПИТАННОСТИ И ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ РУССКОГО ДВОРЯНИНА В XVIII–XIX вв.

С. С. ЦАРИКАЕВА

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского
кафедра отечественной истории и методики преподавания истории

В статье рассматриваются вопросы воспитания детей в эпоху средневековья, рождение дворянской благовоспитанности в эпоху Петра I, домашнее воспитание русского дворянина в XVIII–XIX вв. Влияние усадьбы, семьи на воспитание дворянина. Показываются разные стороны воспитания русского дворянина: речь, язык дворянина, приобщение к литературе, музыке, религиозное воспитание. Рассмотрение даже отдельных аспектов воспитания дворянина показывает, что домашнее образование и воспитание давали хорошие результаты.

Изучение дворянского воспитания – это изучение корней воспитания российской интеллигенции. Дворянское воспитание – это, прежде всего образ жизни, стиль, усваиваемый отчасти сознательно, отчасти бессознательно – путем привычки и подражания, это традиции, которые соблюдали. Изучение этих проблем важно, актуально в нашем мире падающих нравов. Воспитание – это обычаи, нравы, нравственное поведение. Образование и воспитание прочно связаны между собой. Они дополняют, помогают друг другу, помогают человеку жить. Образование – это познание и сведения. По словам французского государственного деятеля и историка XIX века Франсуа Гизо «Образование главным образом предохраняет от мелочности, которая состоит в придавании большого значения пустякам». Посредством образования расширяется наш кругозор, мы становимся людьми умственно разви-

тыми и сведущими. Воспитание же делает нас нравственно чище и честнее. Где нет воспитания, там нет и общества. Лучшее средство достигнуть хорошего воспитания – это идти к нему путем образования.

В средневековом обществе воспитание детей осуществлялось по Домострою с помощью довольно суровых мер. Вся педагогика была построена на телесных наказаниях. Своеволие и дерзостное упрямство как проявление «нравственной свободы человека» подавлялось только горячей «нравственной уздой». До конца XVII века жизнь несовершеннолетнего не признавалась равнозначной жизни взрослого. Родители своего ребенка могли и убить, особенно если он посягнул на их жизнь и достоинство. Внебрачные дети вообще не находили никакой социальной защиты. В процессе воспитания отец брал розгу. В средние века считалось, что рука отца – это не злоба, а наказание за просту-